

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ

К ВОСТОКУ ОТ ВОСТОКА

Матиас Энар. Компас: Роман / Перевод с французского Ирины Волевич и Елены Морозовой. – М.: Иностранка, 2018. – 512 с.

Роман получил Гонкуровскую премию (2015) и вошел в шорт-лист интернационального Букера (2017), между тем у нас остался незамеченным.

Поначалу избыточная эрудиция рассказчика, страдающего бессонницей, кажется какой-то бессмысленной – вот, примерно, как у экскурсовода, обрушивающего на случайного туриста цунами ненужных, мгновенно забываемых сведений.

Все они, так или иначе, связаны, во-первых, с музыкой, поскольку Риттер Краус, которому в этот день лечащий врач поставил опасный диагноз, венский музыковед, изучающий восточный (иранский, сирийский, турецкий, индусский, российский) мелос.

Во-вторых, музыка для Крауса сильно связана с литературой, в частности, с поэзией, поскольку Сара, главная любовь его жизни и вечно ускользающий объект, которой он пишет письма, изучает восточных писателей в диапазоне от средневековья (Хафиз и Авиценна, Руми и Хайям) до модернистов, вроде Садега Хедаята, турецкого автора романа «Слепая сова», покончившего с жизнью в послевоенном Париже.

В-третьих, потоки многословного знаточества Риттера подпитываются постоянными путешествиями и долгими зависаниями в Дамаске, Алеппо и Тегеране, в Стамбуле, Пальмире и в Каире, на которые и выпадают главные встречи с Сарой – как раз накануне революции в Иране или гражданской войны в Сирии, свидетелями которых автоматически становятся иностранные учёные, занимающиеся здесь исследованиями и раскопками.

Научные интересы тут намертво сплетаются с городским колоритом (Тегеран кажется экспатам выцветшим и особенно пыльным), любовными историями, дружескими посиделками, чтением книг, приёмами в посольствах и прогулками по периферийным кварталам, не лишёнными умеренной опасности.

Подобно многим коллегам, Риттер и Сара влюблены в восточные языки и культуры, вот и не мыслят жизни без регулярных выпадааний (sic!) из удушающих объятий родимой Европы, где всё уже давным-давно вычищено, выскоблено, расчислено и изучено до самой последней запятой. Восток для них – это, прежде всего, хаос и неподтасованность, стихийная органика грязи, крови и почвы, находящихся в становлении и одновременном разрушении. То есть совершенно иначе организованная, непривычно устроенная система социального времени и общественного пространства. Самодостаточный романский хронотоп, в котором все ещё можно найти следы чего-то подлинного.

Дотошный Краус знает о предмете своей страсти всё и даже более нужного. Мысленный монолог его, вырастающий из тяготы ночных бдений (вместо глав в «Компасе» обозначены часы вынужденного бодрствования), цепляется не только за всяческие экзотические персоналии, биографии политиков и поэтов, ученых-арабистов (вполне, кстати, реальных и до сих пор действующих, живых) и того, что с ними происходит, а также колоритных типов, революционеров, хиппарей и наркош, но и расширяет наши знания мини-экскурсами в обстоятельства жизни европейских классиков – Гейне и Бальзака, Гёте и Курбе, Стендаля и Флобера, Рембо и Кафки, классика азербайджанской оперы Гаджибекова и Мендельсона, Вагнера, Листа и Гюго.

Иногда кажется, что многое и многих Энар придумал (роман «Слепая сова» или оперу «Меджнун и Лейла»), однако, в книге есть пространные комментарии, да и Гугл не скрывает, что книгу Садега Хедаята не просто перевели на русский, но ещё и издали в СССР. Его можно прочесть онлайн, а оперу Гаджибекова, которого рассказчик в одной из своих музыковедческих статей сравнивает с Россини и с Верди, висит в ютубе.

Представьте новеллу Борхеса, растянутую до размеров вместительного романа, непреходящую, предельно насыщенную литературоведческую пургу, в которой каждое упомянутое имя может оказаться нарративной развилкой и креном вбок. Ассоциация с Борхесом становится неизбежной, если вспомнить, что роман Матиаса Энара, получивший Гонкуров в 2015-м, так и называется «Boussole», а смерть ходит всё время с персонажами где-то рядом. По касательной, впрочем, так их и не задевая: известно же, что экспатам всегда везёт больше, чем аборигенам.

Некоторые рецензенты решили, что Риттер Краус смертельно болен, однако диагноз его в книге не упоминается. Скорее всего, заболевание его опасно, но не смертельно (лечащий доктор так и сказал накануне: *«...когда вы поправитесь или умрёте, я буду ужасно скучать...»*), но умирают все 100%, а шанс на выздоровление отметить нельзя): кажется, это принципиальное условие для описания безопасной и комфортабельной европейской жизни, словно бы лишённой вкусов и запахов, за которыми европейские паломники и ломаются, замороженные, на край ойкумены. Чтобы в конечном счете, как это ни банально, приземлиться в непосредственной близости с собой и собственным домом.

«Восток является воображаемой конструкцией, совокупностью представлений, откуда любой, где бы он ни находился, может черпать до бесконечности. Наивно полагать, продолжала рассуждение вслух Сара, что сегодня наличие чемодана с представлениями о Востоке характерно только для Европы. Нет. Эти образы, этот чемодан с сокровищами доступен всем, и все, по мере производства культурной продукции, добавляют в него новые рисунки, новые портреты, новые музыкальные произведения. Алжирцы, сирийцы, ливанцы, иранцы, индийцы, китайцы также черпают из этого сундука, из этого мира воображаемого...»

Энар плетёт ассоциативные ряды подобно Шахерезаде, из-за чего первоначально я хотел назвать рецензию «Тысяча и один день», ну, или же вспомнить «Паломничество в страну востока» Гессе. Однако, на странице 414 Энар, вместе со своим музыковедом, долго и подробно рассказывает о том, как в 1860 году в Пекине горел единственный экземпляр *«Юнгло та-тьен»*, объёмной энциклопедии династии Мин, составленной в XV веке и охватывающей все знания мира – одиннадцать тысяч томов; одиннадцать тысяч томов, двадцать три тысячи глав, миллионы и миллионы выписанных иероглифов развеялись как дым в гудении пламени императорской библиотеки, расположенной, на её несчастье, рядом с британской миссией. Только один неизвестный китаист заплачет: один из тех уникальных людей, кто в воинственном пылу сумел осознать, какое сокровище только что исчезло; он находился там, в самом центре катастрофы, и его собственная смерть внезапно стала ему безразлична, он видел, как дымом разлеталось знание, как уничтожалось наследие древних мужей...»

Выходит, что это и есть та самая «Энциклопедия китайского императора», с подачи Борхеса, вдохновившая Фуко на создание «Слов и вещей», а теперь, значит, и Энара на свой собственный, принципиально не заканчиваемый границами конкретного текста, «Компас».

Иногда, правда, автор перестаёт плести знаточескую паутину, переключаясь на роман Риттера и Сары, поскольку отношения мужчины и женщины, хотя бы и заочные, интереснее любых ходячих энциклопедий. Тем более что инь и янь, заранее предназначенные друг для друга, существуют в таком же неразрывном, диалектическом единстве, как Европа и Азия.

Краус начинает вспоминать совместные с Сарой поездки и вылазки (ночь в сирийской пустыне возле Пальмиры), интеллектуальные сборища и интеллигентские вечеринки с пустопорожним умничаньем.

Из-за этого Борхес на время плавно переплавляется в Кортасара, периода «Игры в классики» и «62. Модель для сборки» (ключевое слово: «неприкаянность»), а также в Байетт и технологии её самого известного романа, так как «Компас», как и «Обладать», напичкан массой подложных документов – писем и статей Сары и её недолголюбника.

Целый корпус текстов, благо не такой объёмный, как у Байетт, сопровождают выцветшие снимки обложек с арабской вязью и открытки с изображениями курильщиков опиума. Для того, чтобы в мизансценах, напоминающих жанр субъективного путеводителя, «Компас» уже почти ничем не отличался от меланхолических путешествий Зебальда, писателя ныне столь модного, что им теперь возможно измерять творения любых других литераторов.

Впрочем, увлечение Зебальдом – явление временное и стихийное, тогда как есть другой, более фундаментальный закопёрщик темы памяти и воспоминаний, которого Энар, разумеется, тоже не минует.

«...Поистине нужно быть итальянцем, чтобы выдумать такое: вымачивать в кофе кусочки бисквита; всем известно, что их нельзя вымачивать в чём бы то ни было, они только кажутся твёрдыми, но стоит их опустить в жидкость, как они начинают таять и падать с ложечки в чашку – жалкое зрелище!»

И если такой легкой отсылки недостаточно, то вот вам совсем прямое высказывание (Энар, разумеется, учитывает способности читателей разной степени квалифицированности, из-за чего разжевывает и добивает любую «шутку»), идущее следом:

«Пруст взял за один из образцов сказки “Тысячи и одной ночи” – книгу ночи, книгу борьбы со смертью. Как Шахерезада еженощно борется, после любовных объятий, с нависшей над ней угрозой казни, рассказывая султану Шахрияру историю за историей, так и Марсель Пруст берётся за перо каждую ночь, много ночей подряд (по его словам, “может, сотни ночей, может, тысячи”), в надежде победить безжалостное время. В “Поисках” Пруст более двухсот раз намекает на Восток и на сказки “Тысячи и одной ночи”, которые он знает по переводам Галлана (дышащим детской чистотой – чистотой Комбре) и Мардрюса (более искромётной, более эротической – версией для взрослых), – на всём протяжении своего огромного романа он словно прядёт золотую нить великолепного арабского повествования: Сван уподобляет звуки скрипки духу, вылетевшему из волшебной лампы, симфония у него блистает «всеми алмазами “Тысячи и одной ночи”». Без Востока (этой грёзы, звучащей на арабском, персидском и турецком языках, без этого апатрида, называемого Востоком) не было бы ни Пруста, ни “В поисках утраченного времени”...»

Протяжённые цитаты неизбежны. С одной стороны, они дают образцы авторского стиля и путанного, вполне прустинского синтаксиса, впрочем, слегка упрощённого двумя превосходными переводчицами, с другой показывают, что любой пассаж «Компаса» оборачивается символически насыщенным описанием внутреннего сюжета книги, натуральной метарефлексией над собственным методом.

Он в том, чтобы понять, зачем нам, всем людям доброй воли, нужна столь избыточная эрудиция. Зачем постоянно узнавать новое в эпоху Википедии и почему важно копить лишние сведения. Куда их можно девать в годы раздумий и в минуты роковые, если долго не спится. Так вот как раз сюда – для поддержки личного душевного иммунитета: многие мудрости не только печаль, но и поддержка. Вспомним читателей стихов в блокадном Ленинграде, о чем рассказывают дневники военных лет, ну, например, Софьи Островской, Любви Шабалиной и Лидии Гинзбург, тюремные воспоминания Иванова-Разумника или переписка Шаламова с Пастернаком.

Нынешнее существование срединного европейского интеллектуала (и, тем более, статусного, заслуженного да известного хотя бы в своей отрасли) безбедно и безобидно. В нём, если верить Энару, вообще ничего не происходит, кроме командировок и конгрессов, а самой опасной является борьба за получение грантов.

Поэтому и возникает необходимость Востока – символа первородства и хищной хтони, поглощающей не только отдельные культурные объекты, но и целые цивилизации. Слегка забавно, что в него Энар включает **все** территории бывшего Советского Союза.

Это мы до хрипоты можем спорить, скифы мы или же европейцы, а вот герой «Компаса» уже давно всё для себя определил.

«Сара взяла прямой рейс до Бендер-Аббаса на самолёт новой авиакомпании с поющим названием “Ария-Эйр”, эксплуатирующей потрясающий Ил тридцатилетней давности, переоборудованный “Аэрофлотом”, где надписи все еще оставались на русском; я укорил Сару за идею экономить на спичках, рискуя собственной жизнью, чтобы выиграть несколько сот риалов на разнице цен; вспоминаю, как в самолёте талдычил ей, что на спичках не сэкономишь, что ты мне это напишешь, напишешь не меньше сотни раз: “Я больше никогда не буду путешествовать левыми авиакомпаниями, использующими советскую технику”, она смеялась, холодный пот, которым я обливался, вызвал у нее смех, а меня при взлете охватил мандраж, потому что самолет дрожал так, словно готов был развалиться на части уже на взлетной полосе. Но все обошлось...»

Пять минут, полет нормальный: Россия – все-таки не Восток, так как мы по-прежнему опасны для мира. Хотя бы оттого, что все мы, как и самолеты наши, реальны!

Барт, кажется в «S/Z», продвигает мысль о том, что любой текст является, прежде всего, суммой всех текстов, написанных до него. Впрочем, о гибели самого Барта этой весной выпущен другой современный французский роман, мне же пока интересно остановиться на том, как достижения авангардистов плеяды «нового романа» способны оживить грамотную, но не слишком харизматичную беллетристику, куда много всего понапихано, но в которой ничего не происходит кроме потока сознания, направленного на неважно скроенный конструкт. Так как Сара, несмотря на все письма к ней и отрывки из её статей (одна из них посвящена трупному вину, получаемому на Борнео из разлагающихся трупов, замурованных в глиняные кувшины до полного разложения, чтобы можно было снять в тексте оппозицию между жизнью и смертью: «...для них смерть – это не мгновение, а долгий процесс. Жидкость, образующаяся во время гниения, является подлинным свидетельством того, что жизнь ещё здесь. Жизнь текучая, осязаемая, пригодная для питья...»), так и остаётся фигурой речи, призванной придать бесконечной интеллектуальной мастурбации Риттера Крауса хоть какое-то жизнеподобие.

Женщина интересует автора меньше Востока, позволяющего превратить свой виртуальный архив «в золотую нить великолепного повествования», чтобы хоть как-то использовать его по назначению и, может быть, развязаться с частью ненужных сведений, накопленных за десятилетия. Интересно же следить, как Энар плетёт сети эрудиции, составляя роман, точно мозаику, когда один фрагмент разноцветной смальты притягивает другой.

Его цепочки ассоциаций сконструированы искусственно и крайне искусно – это понимаешь, задумываясь, например, зачем же он поселяет Крауса в Вену, а не в Париж.

Ну, во-первых, Париж – место жительства Сары, во-вторых, таким же точно образом, как и всё остальное в этом романе, он может сконструировать из собственных знаточеских пазлов и локальных открытий Вену, чужеродную ему, чистокровному французу, но якобы являющуюся европейскими воротами на Восток.

Вообще-то, воротами в чужие цивилизации всегда являлись порты. Чаше всего морские. Не уверен, что Вена, в том, что касается европейских контактов с чужими краями, может тягаться торговыми связями, например, с Венецией. Вряд ли следует поддаваться

авторской провокации и принимать «Компас» за ещё один вариант «Энциклопедии китайского императора».

Всё-таки, это не справочник, а роман.